

Об XVIII передвижной выставке

Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX -- начала XX века.
М., "Художественная литература", 1977

[OCR Бычков М. Н.](#)

{* Впервые опубликовано в газете "Русские ведомости", 1890, 26 февраля, No 57.}

Первое, что меня поразило на нынешней передвижной выставке, это -- скудость, и количественная, и качественная, бытовой живописи, жанра. Я говорю, конечно, сравнительно с прошлыми годами. Например, талантливейший и неутомимый В. Е. Маковский выставил нынче всего шесть нумеров, а между тем бывали годы, когда он выставлял до двадцати и даже до сорока картин и картинок, почти исключительно жанровых. Само по себе это может быть простая случайность -- год на год не приходится. Но в связи с другими фактами, поразившими меня на выставке, и с общим впечатлением, сначала не совсем ясным, мною оттуда вынесенным, убыль произведений г. Маковского представляется мне имеющею известное значение. Я запишу факты и впечатления как попало и потом попробую подвести итог.

Другой жанрист, г. Кузнецов, выставил портрет г. Л. и картинку под названием "Прерванный завтрак": свиньи едят, собака мешает им есть. Может быть, это какие-нибудь особенные свиньи, понимающие толк даже в апельсинах, но меня занимает тот факт, что это все-таки свиньи, а не люди, тогда как на прежних выставках я помню у г. Кузнецова людей.

Историческая живопись совершенно отсутствует на выставке. Правда, г. Литовченко дал "Боярыню", но эта фигура относится к истории костюма, а никак не к истории людей. Г-н Неврев, прежде так интересовавшийся делами наших предков, выступил с видом местности в Москве. И затем пейзажи, пейзажи, пейзажи.

[...] Есть группа крымских этюдов г. Васнецова и группа кавказских видов г. Киселева; есть превосходная "Осень" г. Волкова, "Осень" г. Дубовского, "Осень" г. Мясоедова, "Осень" г. Поленова, "Осень" г. Бажина, "К концу лета" г. Сейтгофа. Но не все же осень. Есть и "Весна" г. Ярцева и "Весна" г. Менка, и "Весна" г. Мясоедова, и зима не забыта, и лето, и пейзажи г. Шишкина есть, и опять-таки превосходное "Сырое утро" г. Волкова, и "Вечер" г. Холодовского, и еще "Вечер" г. Левитана и проч. Число пейзажей на нынешней выставке абсолютное, может быть, и не больше, чем на предыдущих, но -- я не знаю почему, -- их кажется очень много.

Может быть, потому, что пейзаж представляет собою в некотором роде символ и вместе с тем условие уединения, а на выставке есть много картин, изображающих людей в полном одиночестве. Я говорю не о портретах, "головках", "боярынях", "арабах" и т. п., а о таких картинах, в состав самого сюжета которых входит одиночество. Некоторые из них даже прямо совпадают с пейзажем. Например, "Ифигения в Тавриде" г. Васнецова: жрица Артемиды одиноко стоит недалеко от морского берега; и такая она маленькая на большом полотне, наполненном зеленью, морем, скалами, что всю картину можно было бы назвать прямо крымским пейзажем; а с другой стороны, эта прекрасная, но равнодушная природа так подчеркивает одиночество Ифигении, что, может быть, именно его-то и хотел выразить художник. "Ночь" г. Брюллова: чудесно написанный старый парк при лунном освещении; по дорожке идет, очевидно, гуляя, одинокая женщина; вверх над деревьями мерцают две-три звезды. Я не знаю, что это такое. Может быть, это пейзаж, лишь по технически-художественным соображениям оживленный одинокой женской фигурой, а может быть, житейская драма, разрешившаяся или разрешающаяся одиночеством, и эти мерцающие звезды, эта дорожка в парк, эта полоса лунного света, пущенная по зелени, -- все это лишь аксессуары, призванные оттенить одиночество гуляющей ночью женщины.

В картине г. Мясоедова "Вдали от мира" мы опять наталкиваемся на совпадение пейзажа с идеей одиночества, хотя картина эта уж, конечно, не пейзаж. Молодой, изможденный, но благообразный и даже слишком благообразный человек в монашеском одеянии стоит один в лесу, опершись на слишком длинный заступ. Если заступ не страдал этим излишеством длины, то, опираясь на него, отшельник должен был бы согнуться, и молодость его фигуры была бы не столько подчеркнута. А художник хотел именно молодого, благообразного человека отправить в леса и пустыни, "вдаль от мира", в пейзаж. Да, конечно, в этой лесной глуши одиночество достижимо вполне, но почему именно такого молодого,